

ПАССАЖИР

БЕЗ СТАНЦИИ

ИИ

Александра Белоярская

Александра Белоярская
Пассажир без станции

«Автор»

2026

Белоярская А.

Пассажир без станции / А. Белоярская — «Автор», 2026

Сколько ещё можно ждать подходящего момента, прежде чем жизнь выберет за тебя? Артём умеет приходить вовремя — и откладывать главное. Непрочитанное сообщение сестры и незнакомая платформа приводят его в поезд, который увозит в города, которых нет на карте. На каждой станции — его собственные несделанные выборы: прошлое, принятое за приговор, чужие ожидания, страх ошибки и вопрос «чего я хочу?». Чтобы найти дорогу, Артёму предстоит отделять факты от тревожных догадок, говорить близким честное «нет», ограничивать риск и превращать большие перемены в один посильный шаг. «Пассажир без станции» — роман для тех, кто застрял между «надо» и «хочу». Это не готовая карта и не обещание мгновенного переворота, а история о том, как встретиться с неопределённостью, услышать собственные ценности и выбрать, что сделать дальше. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Белоярская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последний поезд с незнакомой платформы	6
Билет без пункта назначения	10
Первая остановка: город, которого нет на карте	14
Улицы, повторяющие его прошлое	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александра Белоярская

Пассажир без станции

Пассажир без станции

Александра Белоярская

Последний поезд с незнакомой платформы

Будильник прозвенел в 6:40, и Артём выключил его с первого раза. Не потому, что выспался: просто второй звонок означал бы, что он снова опоздал, а опаздывать в его жизни было не принято. Он сел на край кровати, нащупал тапочки и посмотрел на телефон.

Под прогнозом погоды светилась цифра «1»: непрочитанное сообщение от сестры.

Артём не открыл его. Умылся, поставил чайник, застегнул рубашку на одну пуговицу выше, чем надо, расстегнул и застегнул заново. Потом прочитал сообщение на экране блокировки: «Нам надо поговорить. Сегодня сможешь?»

Он положил телефон экраном вниз.

— Сможем, — сказал он пустой кухне. — Конечно.

Он собирался ответить вечером. Или в обед, если будет свободная минута. А если не будет, то завтра. Завтра подходило лучше: там обычно помещались все разговоры, на которые не хватило места сегодня.

В автобусе он ехал стоя, прижимая к груди сумку с ноутбуком. Перед ним женщина в зелёном шарфе просматривала список покупок. За окном проплывали одни и те же витрины, серые дворы и рекламные щиты. В одном из них улыбался человек с идеальными зубами и обещал: «Начни новую жизнь с понедельника».

Артём прочитал это обещание так, словно его составили лично для него. Понедельник был через четыре дня. Вполне разумный срок, чтобы всё обдумать.

В офисе он работал с таблицами поставок и чужими дедлайнами. Клиенты звонили, менеджеры писали, начальник просил «быстро глянуть один вопрос», который занимал два часа. Артём отвечал вовремя, отправлял файлы, ставил галочки. Он умел быть надёжным человеком там, где надёжность требовалась от него, и почти не замечал, как редко спрашивал себя, чего требует он сам.

На рабочем столе в папке «Потом» лежало резюме. Он обновлял его в конце зимы, когда увидел объявление маленького издательства. Им требовался помощник редактора. Артём тогда прочёл описание вакансии три раза, представил стол у окна, бумажные рукописи и разговоры о словах вместо разговоров о поставках. Потом решил, что сначала нужно узнать, насколько надёжна компания. Потом — что надо пройти короткий онлайн-курс. Потом наступила весна, а объявление всё ещё лежало в сохранённых.

В половине третьего начальник прислал ему план на следующий квартал. Артём посмотрел на сетку задач и почувствовал то знакомое, почти невесомое раздражение, которое можно принять за усталость. Ещё один квартал. Ещё один год, если ничего не менять.

Он открыл папку с резюме, посмотрел на своё имя в верхней строке и закрыл.

К шести часам офис опустел. Артём задержался, чтобы закончить отчёт, который можно было закончить утром. Потом поправил в таблице цвет заголовка. Потом проверил почту. Когда он наконец выключил компьютер, вечер уже успел стать тёмным и мокрым. Дождь оставил на окнах тонкие дорожки, похожие на неудачно проведённые карандашом линии.

В коридоре он накинул пальто и сунул руку в правый карман за ключами. Нашупал мелочь, бумажную салфетку, мятую квитанцию и что-то плотное, прямоугольное.

Артём вытащил билет.

Он был из плотной сероватой бумаги, без логотипа и QR-кода. На лицевой стороне стояли его имя и время: **23:17**. Ниже — тонкая пустая строка, где обычно указывали пункт назначения. Здесь не было ни названия, ни номера поезда, ни даже станции отправления.

Артём перевернул билет. На обороте — ничего.

Первой мыслью было, что кто-то засунул его в карман. Второй — что он сам купил его и забыл. Третьей мысли он не успел придумать: коллега хлопнул дверью кабинета, и звук раскатился по коридору, будто в здании неожиданно обнаружился длинный тоннель.

— Что там? — спросила уборщица, проходя с ведром.

— Билет.

— Куда?

— Вот и я пытаюсь выяснить.

Она усмехнулась, но Артём уже проверял остальные карманы. В левом нашёл наушники и чек из кофейни. Во внутреннем — пропуск, две таблетки от головной боли и сложенный листок с паролем от старого роутера. Больше ничего.

Он проверил кошелек, историю банковских операций, приложение железной дороги. Последняя покупка билета была полгода назад: поездка к родителям, обычная, дневная. В календаре на сегодня не было ни командировки, ни встречи на вокзале. В переписке — тоже.

Билет не походил на рекламную листовку. Бумага была тёплой от кармана и пахла чем-то сухим, как пыль в закрытом шкафу.

Дома Артём положил его на кухонный стол и обошёл квартиру, словно мог найти объяснение в другой комнате. Заглянул в пальто, ещё раз ощупал подкладку. Проверил сумку, карманы брюк, папку для бумаг. Вспомнил, что утром надевал пальто в прихожей. Вспомнил, как ехал в автобусе, как стоял у кофейного автомата, как выходил из офиса за обедом. Ни разу не был на вокзале. Ни разу не покупал билет.

Он даже поискал в интернете фразу «билет без пункта назначения». Нашёл инструкции, как восстановить маршрут по номеру заказа, объявления о потерянных билетах и несколько обсуждений людей, которые не могли вспомнить, куда положили проездной. Ничего похожего на его случай.

На часах было 21:48. До указанного времени оставалось меньше полутора часов.

Артём снова посмотрел на сообщение сестры. Он знал, что должен открыть его. Палец завис над экраном, словно речь шла не о сообщении, а о двери в комнату, где давно не убирались.

«Нам надо поговорить. Сегодня сможешь?»

Он нажал.

Под первым сообщением было второе, отправленное днём: «Пожалуйста, не отвечай опять “потом”. Мама переезжает в субботу, и я не хочу решать за нас обоих, что делать с квартирой».

Артём поставил телефон на стол. Мать после падения уже несколько месяцев жила у сестры. Квартиру предстояло освободить: разобрать шкафы, решить, что оставить, что продать, кому отдать старый сервиз. Они с Верой говорили об этом дважды. Оба раза Артём обещал приехать в выходные и помочь. Один раз его вызвали на работу, второй — он «не очень хорошо себя чувствовал». После этого сестра стала писать короче.

Он не хотел отказываться от помощи. Не хотел и смотреть на пустую квартиру, где до сих пор стояла отцовская настольная лампа и пахло яблоками из кладовки. Между этими двумя нежеланиями он устроил себе удобное ожидание, будто время само могло разобрать шкафы и освободить их от необходимости выбирать.

Артём встал, взял билет и снова прочёл время. 23:17.

Можно было позвонить на вокзал. Он нашёл номер справочной, набрал, выслушал музыку и сбросил до ответа. Потом открыл карту. До городского вокзала — двадцать минут на машине, тридцать пять на автобусе. Последний обычный поезд отправлялся в 22:56, и маршрут был указан: областной центр, две промежуточные остановки, прибытие после полуночи.

В 23:17 на табло ничего не значилось.

Он мог выбросить билет. Мог оставить на столе, лечь спать и утром решить, что это чья-то глупая шутка. Он мог сделать то, что делал всегда: дожидаться, пока странность перестанет требовать ответа.

Артём снял пальто со спинки стула.

У двери он остановился. В голове вертелась привычная фраза: «Сначала надо понять, что происходит». Она звучала разумно. Он пользовался ею годами, когда не хотел отвечать на вопрос, чего хочет сам. Неопределённость казалась уважительной причиной ничего не менять. Пока неясно, как будет, можно не рисковать. Пока нет подходящего момента, можно не выбирать.

Он положил билет на тумбочку и открыл заметки в телефоне. Создал новый список и назвал его «Отложенное». Несколько секунд смотрел на пустой экран. Потом написал:

1. Позвонить Вере и вместе решить, что делать с маминой квартирой.
2. Отправить резюме в издательство.
3. Вернуться к фотографии и хотя бы выбрать день для прогулки с камерой.

Третий пункт он добавил не сразу. Камера стояла в шкафу со времён поездки на море. Артём когда-то хотел научиться снимать не только то, что надо запомнить, но и то, что замечает. Работа, переезд, помощь матери — всё это было реальным. Желание фотографировать он считал необязательным, а значит, его легче всего было откладывать.

Он посмотрел на список и понял, что не сможет одним вечером разобраться со всеми тремя пунктами. Да и не обязан. Вопрос был не в том, как перевернуть жизнь за час, а в том, какое действие перестанет быть обещанием.

Он выбрал первое.

В поле сообщения набрал: «Завтра в 19:00 позвоню. Давай решим про квартиру вместе. Я не хочу снова перекладывать это на тебя».

Прочитал дважды. В первом варианте хотел написать «если получится». Удалил. Во втором добавил «постараюсь». Удалил и это. Потом отправил.

Ответа не было. Это не отменяло сделанного.

Артём добавил в календарь звонок на завтра и поставил напоминание за десять минут. Не «разобраться с квартирой», не «стать внимательнее к семье», а позвонить сестре в семь вечера. Один шаг, помещавшийся в сутки и не требовавший ни идеальной уверенности, ни подходящего понедельника.

У вокзала он оказался в 22:51. Внутри пахло кофе, мокрой одеждой и железом. На электронном табло сменялись города, которые Артём знал: знакомые названия, минуты задержки, номера платформ. Он нашёл дежурную у касс и показал билет.

— Это где вы взяли?

— В кармане пальто.

Она посмотрела на него, потом на билет.

— Пункт назначения не указан.

— Я заметил.

— Тогда я не могу проверить его по системе.

— А поезд в 23:17 есть?

— По расписанию нет.

Она вернула билет, как возвращают вещь, которую не хотят принимать на хранение. Артём поблагодарил и отошёл.

Он собирался уйти. Даже сделал шаг к выходу, но за стеклянными дверями дождь густо чертил улицу, и отражение его лица выглядело усталым, почти сердитым. Артём подумал о том, сколько раз он уже уходил от чего-то, не проверив, что будет, если остаться.

У дальнего конца зала, за автоматами с напитками, обнаружилась узкая лестница вниз. Он не помнил её раньше. Над лестницей не было указателя. Только чёрная стрелка на белой стене, направленная вниз.

Внизу тянулся короткий коридор. Лампы под потолком светили редко, оставляя между собой полосы темноты. Коридор вывел на платформу, которой не было на табло. Здесь не стояли пассажиры, не гремели тележки, не объявляли отправления. Дождь звучал глуше, будто город остался по другую сторону стены.

У края платформы горел маленький экран. На нём было только время: **23:12**.

Артём сверил часы на телефоне. 23:12. Потом достал билет. Бумага не изменилась. Имя, время, пустое место назначения.

Поезд не появился сразу. Сначала откуда-то из темноты донёсся металлический стук. Потом ещё один, ближе. Артём почувствовал вибрацию в подошвах. Вдалеке зажглись два света, и тоннель начал отдавать приближающийся шум.

Он мог всё ещё считать происходящее ошибкой. Мог сказать себе, что устал, что перепутал платформу, что на старых вокзалах случаются странные вещи. Все эти объяснения были возможны. Ни одно не объясняло, почему он стоит здесь с билетом, где напечатано его имя.

Состав остановился без объявления. Серебристые вагоны были тусклыми, как металл на старой фотографии. На дверях не было номеров. Артём подошёл к ближайшей, не зная, что именно собирается сделать. Дверь открылась.

Внутри горел тёплый свет. Пустое купе отражалось в стекле, и на мгновение Артём увидел себя так ясно, будто впервые не смотрел сквозь собственное лицо на список дел, чужие просьбы и обещания с будущей датой.

Он не знал, куда едет этот поезд. Не знал, существует ли станция, которой нет на табло, и почему билет оказался у него в кармане. Но он знал, куда привело его ожидание: к ещё одному вечеру, в котором можно было ничего не решать, к ещё одному «потом», которое сестра уже устала слышать.

Артём поднялся в вагон.

За спиной дверь закрылась. Он обернулся к окну. Табло на платформе всё ещё показывало время, но названия станции не появилось. Поезд дрогнул и двинулся вперёд. Двери закрылись окончательно, и темнота за стеклом поплыла навстречу.

Билет без пункта назначения

Сначала Артём решил, что поезд остановился.

Тихий гул под полом не прекращался, но за окном ничего не менялось. В стекле отражались лампы, пустые сиденья и его собственное лицо. Он поднял руку. Отражение повторило движение с едва заметным опозданием.

Артём обернулся. В купе, кроме него, никого не было.

— Так, — сказал он вслух.

Слово прозвучало слишком громко. Он достал телефон. Время — 21:47. Сеть отсутствовала. На экране остался значок батареи и пустая полоска в углу. Он попробовал открыть карту. Загруженный участок показывал город, вокзал и несколько знакомых улиц. Ни железной дороги, ни маршрута поезда на карте не было.

Он проверил часы на запястье. 21:46.

Расхождение в минуту могло означать что угодно: часы спешили, телефон не обновился, батарея сбилась. Он повторил проверку, будто при втором взгляде цифры обязаны были стать убедительнее. Нет. Минуты оставались разными.

Билет лежал в кармане куртки. Артём вынул его и провёл пальцем по гладкой бумаге. Имя — его. Время отправления — сегодняшнее. Поле «Пункт назначения» отсутствовало. Не пустая строка, не смазанная печать — на билете просто не было такого поля.

Он встал и вышел в коридор.

В вагоне горел тёплый свет. Лампы мерцали не все сразу, а по одной, словно состав моргал в темноте. Под потолком тянулся узкий экран, на котором полагалось показывать название станции. Сейчас там светила тонкая зелёная черта. Ни слова, ни стрелки, ни километража.

Артём прошёл до двери в следующий вагон. Поезд слегка покачивало. Он держался за поручень, чувствуя под ладонью холодный металл. В соседнем вагоне спали двое: мужчина в сером свитере, уронив голову на грудь, и девочка с наушниками, прижавшаяся щекой к стеклу. Ещё несколько пассажиров сидели у окон и смотрели в ночь.

Ни у кого не было вида человека, который вот-вот спросит, где они находятся. Но и у Артёма, наверное, лицо было не менее обыкновенным, чем у них.

— Простите, — обратился он к женщине у окна. — Вы знаете, куда мы едем?

Она посмотрела на него, потом на билет в его руке.

— Нет.

— Совсем?

— На табло ничего не написано.

В её ответе не было ни испуга, ни спокойствия. Скорее усталость человека, который уже задавал этот вопрос и не получил ответа.

Артём указал на билет у неё на коленях.

— Можно посмотреть?

Женщина помедлила, но протянула бумажный талон. На нём значилось: «до станции Сухая Падь». Ниже — дата и время отправления. Артём сверил время со своим. Оно совпало.

— Вы знаете, где это? — спросил он.

— Нет. Я думала, поезд остановится и объявят. — Женщина забрала билет. — Наверное, обычная станция.

«Наверное» прозвучало как последняя вещь, которую она могла предложить.

У соседнего окна сидел молодой мужчина в светлой куртке. Он не спал, но смотрел наружу так пристально, словно там показывали что-то важное. Артём подошёл ближе.

— У вас билет до конечной?

Мужчина повернулся.

— До Кедрового Мыса.

— Вы там бывали?

— Нет.

— Тогда почему туда едете?

Мужчина пожал плечами и снова отвернулся к окну.

Артём вернул билет и пошёл искать проводника.

В тамбуре он нажал кнопку вызова. В динамике послышалось шуршание, затем короткий щелчок. Он подождал. Тишина.

Нажал ещё раз.

— Проводник, ответьте, пожалуйста.

Из динамика вырвался треск, будто в микрофон подули. Артём отступил на шаг. Он не любил, когда техника не подчинялась понятной последовательности: нажми, дождись ответа, действуй дальше. Когда ответа не было, оставалось одно из двух — неисправность или неизвестность. Он предпочитал неисправность. Её можно было устранить.

У двери в следующий вагон висела схема эвакуации. Красные стрелки показывали выходы, зелёная надпись призывала сохранять спокойствие. Артём внимательно прочёл инструкцию. Она была составлена так, будто поезд ехал по обычному маршруту, между известными станциями, а пассажиры просто могли забыть, где находятся аварийные молотки.

За стеклом тамбура мелькали тёмные полосы. Он не успевал разглядеть, что именно: деревья, стены, столбы или собственные отражения. На каждой двери — табличка «Выход». Двери были заперты.

На стене рядом с проходом он заметил красный стоп-кран. Не тот, что следовало тянуть при пожаре или угрозе жизни, а рычаг аварийной остановки, снабжённый прозрачным защитным колпачком. Артём прочитал предупреждение. Потянуть его означало остановить состав. В каких условиях поезд остановится и где — инструкция не уточняла.

Он представил, как рычаг срабатывает, свет гаснет, поезд встаёт посреди незнакомой темноты. Представил, как пассажиры просыпаются, кто-то начинает кричать, а он объясняет, что просто хотел узнать, где находится.

Рука всё равно потянулась к колпачку.

На кончиках пальцев выступил пот. Артём остановился. Он не знал, что будет, если дернуть стоп-кран. Это было не решение, а попытка заставить неизвестность замолчать. Он убрал руку и пошёл обратно.

Телефон показывал всё то же время. Сети не было. Артём открыл переписку с сестрой. Последнее сообщение от неё было коротким: «Ты приедешь сегодня или опять перенесём?» Он долго не отвечал, потом написал: «Приеду». Он и правда собирался. Просто не уточнил когда, как будто слово «сегодня» можно было растянуть до бесконечности.

Теперь ему захотелось написать: «Я в поезде. Не знаю, куда он едет». Но сообщение не отправилось бы. Даже если бы отправилось, сестра спросила бы, что он собирается делать. И он не знал ответа.

Артём сел на край сиденья. В кармане нашлась ручка, которой он обычно подписывал документы. Он развернул билет чистой стороной к себе и провёл три вертикальные линии. Ручка царапнула бумагу. Он подписал колонки: «Факты», «Мои версии», «Чего я боюсь».

Сначала вышла короткая запись.

В «Факты» он вписал: поезд движется; на билете есть моё имя и время отправления; пункта назначения нет; связи нет; проводник не ответил; пассажиры не знают, куда мы едем.

Он задержался над последней строкой, проверяя, точно ли это факт. Женщина сказала, что не знает. Молодой мужчина тоже. Да, это было тем, что он слышал, а не выводом.

В «Мои версии» записал: сломан экран; поезд идёт по техническому маршруту; билет выдали по ошибке; связь пропала из-за удалённости; проводник в другом вагоне.

Потом перешёл к третьей колонке.

«Я не смогу вернуться».

«Поезд не остановится».

«Я сделал глупость».

«Сестра решит, что я опять её бросил».

«Я потеряю работу».

«Если поезд встанет, все решат, что виноват я».

Последнюю строчку он перечитал дважды. Ему вдруг стало смешно, но смех не вышел. В этом коротком списке уже было больше уверенности, чем в фактах. Поезд не остановится. Он не сможет вернуться. Все решат, что виноват он. Ни одно из этих событий ещё не произошло, но он переживал их так, будто уже получил официальное уведомление.

Артём посмотрел на листок. Билет не стал объяснением. Ручка не превратила ночной поезд в обычный. Но три колонки чуть-чуть раздвинули вещи, которые внутри него слиплись в один ком: то, что происходит, то, что он предполагает, и то, чего боится.

Он не впервые пытался заранее предусмотреть всё. На работе это иногда спасало от ошибок. В жизни — часто помогало откладывать шаг. Пока Артём собирал недостающие сведения, можно было не отвечать сестре. Пока выбирал лучший момент, не приходилось рисковать отказом. Пока не знал точного результата, можно было говорить себе, что выбор ещё не сделан.

Но вот он сделал выбор. Поднялся в вагон. И теперь пытался вернуть себе чувство безопасности, добившись от поезда объяснений, которых у поезда, возможно, не было.

Артём накрыл колпачок стоп-крана ладонью. Кожа всё ещё помнила холодный пластик. Он убрал руку.

— Что я могу сделать сейчас? — произнёс он тихо.

Ответ не пришёл сразу. Потом он сформулировал его без красивых слов: остаться в вагоне, сесть у окна и наблюдать до следующего события. Не проверять каждую дверь. Не дёргать рычаг. Не решать заранее, что случится через час. Просто убедиться, что поезд движется, и смотреть, что появляется за стеклом.

Это было не обещание доверять поезду. И не согласие с тем, что происходило. Это был один небольшой шаг, не требовавший веры в счастливый финал.

Артём вернулся в своё купе и сел у окна. Сначала он видел только отражение: лицо, плечи, руку с билетом. Ночь за стеклом казалась неподвижной. Он поймал себя на том, что снова ждёт знака — ясного, крупного, такого, который не придётся истолковывать.

Тогда он выбрал одну деталь и стал следить за ней. На внешней стороне стекла ползла тонкая полоска влаги. Она дрожала от вибрации и тянулась вниз. Артём смотрел, пока не заметил за ней первую светлую точку.

Она мелькнула и пропала.

Потом появилась вторая. Третья. За окном двигались огни, а не отражение. Чёрная равнина открылась на несколько секунд, и в ней проступили редкие деревья. Их стволы уходили назад, словно кто-то быстро перелистывал страницы с одним и тем же рисунком.

Поезд всё-таки двигался.

Ничего нового он пока не узнал. Не появилось объяснения, не заговорил динамик, телефон не поймал сеть. Но факт, который он записал на билете, вдруг перестал быть строкой. За стеклом проплыла группа высоких сосен. За ними — поле, затянутое туманом. Дальше темнота стала светлее, будто на горизонте горел город.

Артём прислонился лбом к стеклу. Оно было прохладным. В отражении его лицо снова запоздало: он чуть отодвинулся, а двойник остался на месте ещё на долю секунды.

В соседнем купе женщина поднялась и подошла к его окну.

— Видите? — спросила она.

— Да.

— Значит, скоро остановка?

— Не знаю.

Она кивнула, будто именно такой ответ и ожидала. Молодой мужчина с Кедрового Мыса теперь стоял в коридоре, придерживая ладонью полку. Он смотрел на огни впереди.

Динамик над дверью ожил. Сначала прозвучал шорох, потом спокойный женский голос:

— Следующая остановка.

На этом объявление оборвалось. Ни названия, ни времени прибытия.

Артём встал. Вагон мягко качнуло. За окном появились огни платформы, растянутые в длинные жёлтые полосы. На краю перрона стоял указатель. Он прошёл мимо так медленно, что Артём успел прочесть крупные буквы:

«СТАНЦИЯ ТИХОРЕЧЬЕ».

Ниже не было ни направления, ни номера пути. Только название и небольшой рисунок — две волнистые линии под луной.

Артём достал телефон и открыл карту. Сигнал так и не появился. Он ввёл «Тихоречье» в поиск по загруженной карте. Экран показал: «Место не найдено».

Поезд продолжал замедляться. За стеклом проступили дома, низкие крыши, несколько окон с тёплым светом. На экране над дверью по-прежнему горела зелёная черта. Название станции там не появилось.

Артём сжал билет с тремя неровными колонками. Он не знал, что ждёт его за дверями, и впервые не стал заполнять этот пробел худшим из возможных ответов.

У неизвестности теперь было имя. Она стояла на платформе и ждала, пока поезд остановится.

Первая остановка: город, которого нет на карте

Двери разошлись с тихим вздохом, и в вагон вошёл запах мокрого камня, дыма и тёплого хлеба.

Артём задержался на ступеньке. Поезд замер у платформы, за которой начинался город: невысокие дома, фонари с молочными стёклами, крыши, блестевшие после дождя. Всё выглядело обыкновенно, и от этого было ещё страннее. В обыкновенных местах обычно находились хотя бы улицы на карте.

Он спустился на платформу. Под подошвой хрустнул песок. За спиной закрылись двери, но поезд не тронулся. Артём обернулся: в окнах отражались фонари и его собственное лицо — немного бледное, с тревожной складкой между бровями.

На табличке у лестницы было написано: «В город». Ниже кто-то прикрепил листок: «Сегодня вход со стороны рынка». Слово «сегодня» было подчёркнуто дважды.

Артём прошёл под аркой и оказался на площади. Улица спускалась между домами к реке. Слева торговец поднимал ставни лавки. Справа женщина вытирала с вывески капли дождя. Над крышами звенел колокольчик, хотя ветра не было.

— Доброе утро, Павел, — сказала женщина торговцу.

— Доброе утро. А вы кто?

Она перестала вытирать вывеску.

— Лида. Кажется.

— Очень приятно, Лида. Я Павел.

— И мне приятно, Павел.

Они улыбнулись друг другу так вежливо, будто только что обменялись визитками. Потом Лида снова взялась за тряпку, а Павел полез в карман за ключами.

Артём остановился.

В булочной через дорогу мужчина уже раскладывал на прилавке круглые буханки. Покупательница указала на хлеб:

— Вы вчера обещали оставить мне два.

— Не помню, — сказал булочник.

Женщина нахмурилась. Булочник посмотрел на доску у входа. На ней мелом было записано: «Два хлеба для Анны. Оплата в четверг».

— Здесь записано, — сказал он. — Значит, оставил.

— Я не Анна, — ответила покупательница.

Они помолчали. Потом мужчина снял с полки ещё одну буханку и протянул ей.

— Тогда сегодня начнём заново. Как вас зовут?

В этом городе помнили, как читать и печь хлеб, открывать ставни и завязывать шнурки. Не помнили только вчерашнего. По крайней мере, так решил Артём, пока наблюдал за площадью. Люди встречались, представлялись, спорили и выбирали, чем заняться, словно утро каждый раз выдавало им чистый лист. Но лист этот не всегда был лёгким. На стене булочной висели записи, на дверях — расписания, а у колодца стояла деревянная коробка с потерянными вещами. На каждой бирке было написано: «Найдено сегодня».

Незнакомец с седой бородой поставил на площадь складной стол. К нему тут же подошли трое.

— Вы знаете, где будет собрание? — спросил один.

— Сегодня? — уточнил второй. — Или вчерашнее?

— Сегодня, — ответил седой. — Вчерашнего мы не помним.

Они засмеялись, но смех вышел короткий. Седой открыл тетрадь и написал на листке: «Собрание у фонтана в полдень». Потом прикрепил записку к столбу.

Артём почувствовал, как к горлу подступает желание спросить, где фонтан. Он уже собирался сделать это, когда молодая женщина посмотрела на него и спросила:

— Вы тут впервые?

Можно было ответить просто: да. Но почему-то именно этот ответ показался ему слишком открытым, почти детским. Он не хотел снова быть человеком, который ничего не знает и не понимает, куда идти.

— Я здесь бывал, — сказал он.

Женщина кивнула, будто услышала вполне достаточное объяснение.

— Тогда, может быть, подскажете, где сегодня собирают тех, кто хочет помогать на мосту?

Артём посмотрел на улицы. Одна шла к реке, другая — между домами в гору. Он не знал, где мост. Но теперь ему нужно было сохранить вид человека, который «здесь бывал».

— Кажется, вниз, — сказал он.

— Спасибо, — ответила женщина и двинулась по улице к реке.

Артём остался на месте. Он понимал, что солгал, пусть и совсем немного. Не ради выгоды, не чтобы навредить. Просто прикрыл растерянность чужим беспамятством: здесь никто не мог сказать, что видел его раньше, и никто не мог проверить, был ли он тут вчера.

Удобная маска. Лёгкая, как бумажная.

Он пошёл за женщиной, надеясь, что по дороге найдётся какой-нибудь указатель. На первом углу действительно стоял столб с табличками: «К реке», «К рынку», «К читальне». Улица к реке спускалась под зелёными ветвями. Женщина шла впереди и, похоже, не сомневалась.

— Вы мост ищите? — спросил Артём.

— Я ищу место, где сегодня можно быть полезной, — ответила она, не оборачиваясь. — Я ещё не выбрала, чем именно. Тут каждый день выбираешь заново.

— А вчера?

— Не помню. Наверное, тоже выбирала.

В её голосе не было ни веселья, ни печали. Скорее усталость от необходимости начинать знакомство с собственным днём.

У следующего перекрёстка они встретили мальчика с ведром. Он стоял рядом с человеком в кожаном фартуке.

— Вы вчера поставили лестницу поперёк прохода, — сердито сказала женщина в фартуке.

— Не помню, — ответил мужчина.

— Она стоит здесь. Я чуть не упала.

Мужчина посмотрел на лестницу, загородившую половину тротуара.

— Это видно, — сказал он и немедленно отнёс её к стене.

Женщина ещё секунду хмурилась, будто хотела вспомнить, насколько сильно сердилась вчера. Потом опустила плечи.

— Спасибо. Сегодня я Лида.

— Сегодня я Глеб, — сказал мужчина.

— Вы и вчера были Глебом?

— Не знаю. Но сегодня — точно.

Они разошлись в разные стороны. Артём поймал себя на улыбке. А потом улыбка исчезла. В его собственной жизни вчерашнее не исчезало. Оно возвращалось каждое утро, аккуратно сложенное и готовое к повторному допросу.

«Я всегда всё бросаю».

Фраза возникла так привычно, что он почти услышал её голосом своего отца. Потом голосом бывшего начальника. Потом собственным — самым убедительным из всех.

Впереди женщина остановилась у развилки. На ней было синее пальто, а в руках она держала небольшой свёрток.

— Я, кажется, не туда иду, — сказала она. — Мне нужна оранжерея. Сегодня я буду разбирать семена. Или хотела. Не уверена.

— На площади были указатели.

— Там было много указателей.

— Это правда.

— А вы не знаете, где оранжерея?

На этот раз Артём не стал изображать знатока.

— Не знаю. Но можем посмотреть.

Он произнёс это без оправдания, и в груди чуть отпустило. Они повернули назад и дошли до столба. Артём не стал пытаться угадать направление. Он прочёл таблички, одну за другой. «К реке» — вниз. «К читальне» — вверх. «Оранжерея» — налево, за площадь. На тонкой стрелке кто-то нарисовал маленький лист.

— Я его не заметила, — сказала женщина.

— Я тоже сначала не увидел.

Они пошли налево. У следующего поворота табличка повторялась. Потом была ещё одна, уже на кирпичной стене. Оранжерея нашлась за низким домом с круглыми окнами. На стекле запотели узоры, а внутри, среди ящиков с землёй, двигался человек в соломенной шляпе.

— Спасибо, — сказала женщина. — Меня зовут Лида.

— Артём.

Она протянула руку.

— Мы знакомы?

— Только что познакомились.

— Хорошо. Тогда рада познакомиться.

Она улыбнулась и вошла внутрь. Артём остался у двери. На стене рядом висела доска с сегодняшними делами. Кто-то записал: «Открыть оранжерею». Кто-то добавил: «Не забыть полить рассаду». Последняя строчка была обведена мелом: «Если забудешь, посмотри на землю».

Артём сел на деревянную скамью. Он достал билет с тремя неровными колонками. На лицевой стороне оставались записи, сделанные в дороге. На свободном клочке у края он нашёл карандаш и написал:

«Я всегда всё бросаю».

Посмотрел на фразу. Она была короткой, звучной и бесполезной. В ней не было ни даты, ни места, ни действия. Только приговор.

Он провёл по ней одну черту, но так, чтобы слова оставались видны. Рядом написал: «Факт вместо ярлыка».

Потом долго думал, какое именно событие он хочет назвать фактом. В памяти быстро выстроились целые ряды: обещания, которые он давал себе, планы, которые переносил, решения, принятые слишком поздно. Каждое событие будто пыталось занять всю страницу. Но Артём вспомнил, что обещал себе в дороге: отделять то, что произошло, от того, что он про это решил.

Он выбрал один случай.

В прошлом году он представил на работе проект. Начальник назвал его сырым и попросил переделать. Артём не спросил, какие именно части нужно исправить. Через неделю он уволился, не закончив работу и не предупредив коллегу, которому пришлось собирать оставшиеся материалы.

Артём записал это, с усилием удерживая каждую фразу в пределах наблюдаемого.

«Я представил проект. Услышал, что он не готов. Не попросил конкретных правок. Через неделю уволился. Коллега переделывал материалы».

Было неприятно читать написанное. И всё же эти строки отличались от приговора. В них оставалось место для ответственности, но не было необходимости объявлять всю жизнь провалом.

Он добавил: «Я испугался оценки и вышел из разговора раньше, чем узнал, что можно исправить».

Это тоже был вывод. Но не такой всеобъемлющий, как «я всегда всё бросаю». Он относился к одному случаю и указывал на урок: в следующий раз, когда захочется исчезнуть после критики, сначала спросить, что именно нужно изменить. Не обещать стать бесстрашным. Задать один вопрос.

Над оранжереей скрипнуло окно. В стекле дрожал прямоугольник солнечного света.

Артём огляделся и назвал про себя то, что действительно было перед ним: деревянная скамья под ладонью. Запах влажной земли. Человек в соломенной шляпе, который несёт лейку. Синяя дверь. Листок с расписанием на сегодня.

Факты настоящего не отменяли того, что случилось в прошлом. Но прошлое переставало быть единственным местом, откуда он мог судить о себе.

Дверь оранжереи открылась, и вышла Лида с бумажным пакетом семян.

— Тут оказалось три ящика, — сказала она. — Один с фасолью, другой с укропом, третий никто не подписал.

— Что будешь делать?

— Сначала подпишу два. Потом посмотрю, что посажено в третьем. — Она прищурилась на него. — А вы?

Артём взглянул на билет.

— Сегодня я помог найти дорогу. А теперь вернусь к поезду.

— Вы уезжаете?

— Да.

— Жаль. Я, скорее всего, завтра вас не вспомню.

— Я тоже не знаю, что запомню.

Лида поправила ремешок сумки.

— Тогда хорошо, что мы познакомились сегодня.

Её слова были простыми. В них не было обещания сохранить встречу навсегда, и от этого они не казались менее настоящими.

На обратном пути Артём не пытался запомнить все повороты. Он смотрел, как указатели появляются один за другим. У лавки пахло свежим хлебом. Павел заново приветствовал Лиду, хотя она только что проходила мимо. На площади седой мужчина передвинул объявление о собрании к фонтану, чтобы оно не попало под дождь.

Артём заметил, что всё время ждёт от города доказательства. Что он настоящий. Что здесь есть порядок. Что кто-нибудь объяснит, как жить без памяти о вчерашнем. Но город не объяснял. Он показывал: вот лестница поперёк прохода; вот человек, который может её убрать; вот записка, которую можно прочесть; вот дорога, которой можно следовать, даже если ты её не помнишь.

У платформы поезд всё ещё стоял. Артём поднялся в вагон, достал билет и дописал под прошлой записью: «Сегодня я не знал дороги и не притворялся. Потом помог человеку найти путь. Теперь возвращаюсь к поезду, потому что хочу продолжить».

Он перечитал фразу. Это не было доказательством, что он никогда больше не испугается и не отступит. Просто один факт о сегодняшнем дне.

У дверей он оглянулся. За площадью начиналась узкая улица, которой утром он не заметил. Дома стояли тесно, почти вплотную друг к другу. У одного была тёмная арка, у другого —

кривой балкон, у третьего — синяя калитка с облупившейся краской. Артём не мог вспомнить, где видел всё это раньше, но тело уже узнало знакомый поворот.

Двери закрылись. На этот раз он не смотрел на город, пытаясь удержать каждую деталь. Он смотрел, потому что хотел увидеть, что будет дальше.

Улицы, повторяющие его прошлое

Колёса застучали по стыкам, и Тихоречье медленно отступило за окном. Артём ещё видел узкую улицу с тёмной аркой, кривым балконом и синей калиткой, пока поезд не свернул за холм. Потом остались только его отражение в стекле и билет, на котором он записал сегодняшний факт.

Он попробовал читать запись, словно она могла объяснить, куда теперь направляется. Не объяснила. Поезд шёл сквозь серое утро, а за окном сменялись поля, леса и насыпи, которых Артём не помнил ни на одной карте. На карте в телефоне по-прежнему была пустота. Он уже почти перестал считать это ошибкой.

Около полудня состав замедлился. Не было ни сигнального свистка, ни объявления. Просто ритм колёс стал реже, будто поезд прислушивался. За окном показались первые дома.

Артём встал и подошёл к стеклу.

На улице вдоль насыпи стояли тесные дома. У одного была тёмная арка. У другого — кривой балкон. На третьем синела калитка, облупленная у ручки. Артём отступил от окна и снова подался вперёд, проверяя, не подменило ли зрение одно место другим. Нет. Дома были не те самые. У арки отсутствовал каменный наличник, балкон оказался деревянным, а калитка была не синей, а скорее зелёной. Но тело уже узнало поворот.

Поезд остановился у платформы без названия. На вокзальной стене висело расписание: белые строки на чёрном поле. Ни одного пункта назначения. На табло медленно мигало слово «ГОРОД».

— Это он? — спросил Артём у проводницы, когда она прошла мимо.

Она посмотрела на пустое табло.

— Для кого как.

— А если я не знаю, кто я для этого города?

— Тогда, наверное, он подождёт, пока узнаете.

Проводница сказала это без загадочной улыбки. Скорее устало, как человек, которому задавали странные вопросы много раз, но каждый раз приходилось отвечать заново.

Артём вышел на платформу. Воздух пах мокрым камнем, железом и хлебом. Вокзал стоял на краю города, и улицы расходились от него веером. На самой широкой, ведущей к центру, Артём сразу заметил тёмную арку. За ней был двор, потом узкий проход и балкон с провисшей решёткой. На углу — синяя калитка.

Он не стал убеждать себя, что это совпадение. И не стал объявлять, что город знает его прошлое. Пока он знал только одно: некоторые детали напоминали ему места, где он уже бывал. Это было точнее и честнее.

Он пошёл к центру.

Улица повторяла не один адрес, а целую привычку памяти. Слева стоял низкий дом с окнами, похожими на окна школьного кабинета, где он когда-то просидел целый урок, делая вид, что понимает задачу. За углом была булочная, пахнувшая корицей и горячим маслом, как та, мимо которой он проходил в годы, когда спешил домой, хотя дома его никто не ждал. На стене висела круглая вывеска аптеки — без букв, только с выцветшим зелёным крестом. Артём помнил такой крест над входом в аптеку у старого двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.